

15 октября Госплан СССР опубликовал... Творческая мысль ученого работала в содружестве с творческой мыслью рабочих... Ибо каждая цифра в сводке Госплана означает не только тонны зерна и металла...

Помнили и трудились. Сначала научились заставлять каждый проданный нам станок давать больше, чем мог он... Творческая мысль ученого работала в содружестве с творческой мыслью рабочих... Ибо каждая цифра в сводке Госплана означает не только тонны зерна и металла...

№ 47 (2362) Суббота, 18 октября 1947 г. Цена 40 коп.

Покровители изменников и убийц

Недавно американское издательство «Филадельфия» выпустило в свет обстоятельный том Кларенса Маннинга под названием «История Украины»... Мы имеем дело с первой послевоенной «Историей Украины», выпущенной за рубежом...

Маннинг — ничем не отличается от современной русской, грузинской или казахской литературы... Маннинг попросту повторяет клеветнические измышления других прислужников империализма...

В первый день сессии, на заседании сектора древнерусской литературы, были заслушаны доклады члена-корреспондента Академии наук В. Андриянов-Переломов...

Второй день сессии состоялся заседание сектора новой советской литературы... В ближайшие дни в залах Пушкинского Дома открывается выставка «Советское литературоведение за тридцать лет».

Ян СУДРАБКАЛН. Группа латышских писателей — Валдис Лукс, Мирда Кемпе, Ян Грот, Адольф Таглиц и автор этих строк — отправлялись в поездку по Советскому Союзу...

Песня Родины. воды и фабрики работают, украинское сердце бьется смело и полнокровно... Нам не удалось встретиться со всеми писателями, которых мы более или менее знаем по книгам...

Путевые заметки. Беглые путевые заметки не могут исчерпать всех наших впечатлений. В Харькове мы побывали на выставке, посвященной великому народному поэту Украины...

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ КУХНЯ. «Я хотел бы, чтобы обо мне сохранилась память, как о начальнике штаба, который кое-что сделал, чтобы улучшить армейскую страну»... (Из недавнего выступления ген. Эйзенхауэра).

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

Бертран в поход собрался

Пароксизм милитаристского бешенства охватил не только американских империалистов и кулиных или политиканов, но и почтенного ученого мужа Британии, философа и социолога Бертрана Рассела.

Лорд Бертран Рассел не просто знатный английский аристократ, он — один из лидеров современного философского идеализма не только в Англии, но и в других странах капиталистического мира. Упорную многолетнюю борьбу против материалистической философии, проводимую с неомарксистских позиций, Рассел считает столько же неутомимой борьбой против революционной, марксистской практики. Его идеалистическая социология находит свое выражение в мутных потоках многолетней либеральной, пацифистской словесности.

Один из очередных приступов милитаристского бешенства произошел у него публично 3 октября в Брюсселе во время лекции об «Идее всемирного правительства в перспективе нашего времени». Превзев года, семидесятилетний старец волею «похода на Восток» и требовал создания «всемирных Соединенных Штатов».

Как известно, в своих философских писаниях сей идеалистический акробат доказывает, что первичными элементами мира являются не физические, материальные атомы, а «логические атомы» — простейшие суждения. Однако теперь он, в явном противоречии со своей философией, восхваляет бомбы, начиненные отнюдь не «логическими атомами».

Выграла кровь у хищной, колонизаторской, империалистической породы Расселл. Еще Барк писал о том, что «исцелю угорь, поместив, замков, лесов и т. д. отнятых у английского народа Расселлами, прямо неверно», не говоря уже обо всем том, что они отняли у других народов. Его светилорд лорд Бертран Артур Уильям III, граф Расселл — внук и воспитанник усмирителя Ирландии, злейшего врага чартизма, самого самого Джона Рассела, о котором Кара Маркс писал, что «весь он — фальшивый предлог, вся его жизнь — сплошная ложь, вся его деятельность — непрерывная цепь ничтожных интриг для достижения грязных целей — поглотения общественных денег и узорчатия одной лишь видности власти».

Сам лорд Бертран в молодости — ярый сторонник позорной англо-бурской войны, в недавнем прошлом — отъявленный мюнхенец, призванный умилостивить «фрера», всегда — враг материализма, марксизма, ненавидящий советскую республику рабочих и крестьян. Вся его жизнь, так же как жизнь его деда, — сплошная ложь, вся его литературная и общественная деятельность — затравывание с фабилизмом социализма, пацифизмом, либерализмом, демократизмом — сплошная ложь, используемая для борьбы против подлинного социализма, против настоящей демократии и нетрянутого свободолюбия. Среди «своих» он признавался в лицемерности своего «гуманизма», своего «человеколюбия». «Мой разум», писал он для посвященных, — был с гуманистами, но чувства мои яростно восставали против этого... Те, для которых нет ничего выше человека, не удовлетворяют моих эмоций». Он проповедовал «гуманизм», будучи человеконенавистником.

Расселл — непримиримый противник «политики силы», когда ее применяют эксплуататорские классы в борьбе против эксплуатации, угнетаемые народы — в борьбе против гнета. Но он же является ревностным поборником «политики силы», когда ее применяют против народных масс. «Я испытываю интенсивную неприязнь к использованию силы в отношениях между людьми», писал он в 1943 году в своем автобиографическом очерке «Мое умственное развитие», — хотя я всегда считал, что иногда применение силы необходимо. О его циничном презрении к демократии достаточно выразительно свидетельствуют слова, сказанные им еще в те годы, когда сверстничество Гитлер и Муссолини: «Наибольший успех имеют те демократические политики, которые расправляются с демократией и становятся диктаторами». Полезные слова для Мосли и де Голля!

В 1938 году Расселл выступил в США

жать от объявления войны, если есть разумно обоснованная надежда на победу». Надежд будет лишь позавидовать о том, чтобы «найти морально убедительный casus belli» (повод к войне). Но за этим дело не станет. — Расселл и ему подобные «моралисты» приложат все усилия. Есть французская поговорка: «Того, кто украдет бухку, — сажают в тюрьму, того кто украдет железную дорогу, — назначают министром». Эта поговорка, как известно, имеет самое широкое применение в политической жизни США; но в данном случае ее следует перефразировать: «Того, кто подстрекает к убийству одного человека, — подают в тюрьму; того, кто подстрекает к истреблению многих тысяч людей, — удостоивается почетной степени доктора наук».

Социолог, недавний демокристически-либеральствующий о том, что следует усмирить роль таких факторов общественной жизни, как «сила» и «любовь к власти», теперь сбросил маску, обнажил хищный фашистский оскал. «Мы должны, — ричит он, — научиться новому под политическому мышлению: мы должны понять, что вражда между великими державами — большее зло, чем любая тирания или дурное правительство». А вражда между великими державами, по мнению Расселла, не будет только в том случае, если образуется одна единственная великая держава, одна единственная армия. «Но, конечно, если одна только наша сохраняет абсолютный суверенитет, тогда другие теряют свою национальную независимость. Эта альтернатива неизбежна и на нее нечего закрывать глаза». «Национальный суверенитет служит препятствием для всех планов международного мира».

Говоря все это, лорд Бертран имеет в виду Францию, Италию, Великобританию и те европейские государства, правительства которых покорно стали на колени перед маршалами Уолл-стрит. Для Югославии, Польши, Болгарии и всех государств подлинной, народной демократии, чьи правительства стоят на страже национальной независимости и государственного суверенитета своих стран, взбешенный философ англо-саксонского империализма припас испытанный рецепт: «Единственный путь, которым демократия может быть введена в ранее недемократическую страну, это путь иноземного завоевания». Нужно ли разъяснять, что Расселл употребляет термин «демократия» так, как национал-социалисты употребляли термин «социализм»? Хороша «демократия», основанная на колониализме! Расселл мечтает о создании «европейской демократии» на материке Южно-Африканского Союза.

Грозно рычит британский лев, раскрывая беззубую пасть. «Я сомневаюсь», — подбывает Расселл, — понять ли уже близинности от Вашингтона лешаки Великобритании. Англия в своем хлебе насущном зависит от доброй воли Америки... Короче говоря, Великобритания больше не является независимой державой. По отношению к России, в особенности, британская политика диктуется из Вашингтона... Поглядите, голые британцы, на этого английского аристократа! Посмотрите, как граф Расселл, наследник герцога Вандорфа, «делатель королей», ползает перед росточниками с Уолл-стрит!

«Если американское правительство», — пишет Расселл, — прикажет нам идти воевать, мы будем послушны». Британский лев превратился в цепного пса американского империализма. Что вы скажете, о своей «национальной гордости», о своем прославленном философе, голые британцы? «Если американское правительство», — продолжает Расселл, — запретит нам проводить социализм, мы воздвигнем и покорно согласимся. Это было написано Расселлом И по сути дела означало: «Запретите намшему социалистическому правительству проводить национализацию сталелитейной индустрии, запретите ему объединение русской промышленности — оно больше того и жел!».

Мистер Бевин, прочитав это, вероятно недовольно проворчал: «Ох, уж этот Расселл! Это делател, но об этом не говорят!».

Он был в костюме из темной шерсти, мажорской материи, какие носят три миллиона бойцов народной армии и государственные служащие. Его движения размеренны, лишены всякой спешки и дышат спокойным дружелюбием.

В то время как мы сидели на плоской глиняной террасе под яблоней, красная, темноволосая жена Мао говорила для нас ливудом за последние месяцы, вкратце состоит в следующем: «Возобновленный спектакль». Мелодрама об актрисе, которая в канун Нового года убивает своего мужа-алкоголика.

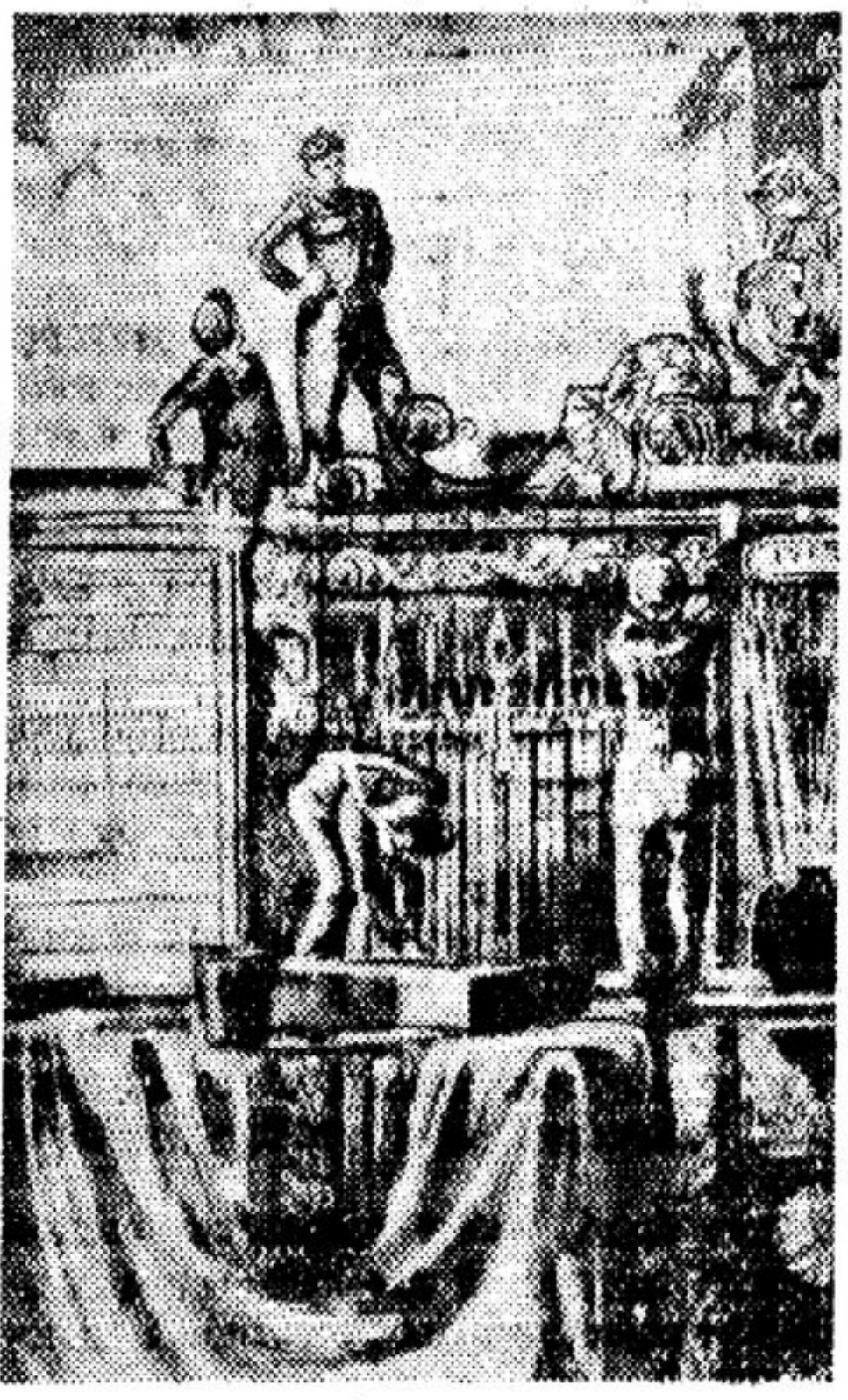
«Плющ». Картина, героиня которой, элегантно английская леди начала века, вынуждена совершить убийство, чтобы достать благополучия. Здесь великосветский злодей убивает одну за другой своих возлюбленных. Каждый раз, когда он меняет предмет своей страсти, возле тела умершей или девушки, на раскрытой постели, появляется таинственная моховая роза... Об актрисе, играющей одну из девиц, которой лишь в последнюю секунду удается избежать ожидающей ее участи, критик пишет: «Мисс Каммингс, роскошной маленькой блондинке, несомненно, предстоит большой успех в кино, независимо от того, окажется она когда-нибудь хорошей актрисой или нет».

«Паутина». Фильм, охарактеризованный критиком, как «тяжелая, хорошо сделанная мелодрама с двумя убийствами». «Медный дублон». Герой картины, знаменитый частный детектив, имеет здесь дело с шайкой игроков, шантасжон, злощестей старухой, обладающей необычайной властью над запуганной героиней, и в картине, конечно, фигурируют... три трупа.

«Жесткая сила» — фильм, один из героев которого — садист-маньяк, по мнению критика из журнала «Тайм», не выдерживает все же сравнения с фильмом «Убийца», где главную роль исполняет тот же артист Берт Ланкастер.

«Они не поверят мне». Герой фильма почти в равной мере обманет деньги и женщин. Когда оказывается, что одно мешает другому, таинственным образом умирает богатая и ревнивая жена героя и его прекрасная возлюбленная... «Принадлежит и госпожа Мур» — история о том, как оравотельная молодая вдова поселяется на берегу моря, в доме, где обитает дух умершего здесь некогда мореплавателя. Привлечение естественно, влюбляется в героиню, и под раскаты приключений она умирает, дав, наконец, повод герою-принципиально заключить ее в свои «тусторонние объятия».

«Два господина Кэрролл» — мелодрама, посвященная тому, как утонченный художник «изысканно» убивает одну за другой своих жен. Говоря о реакции публики, критик пишет, что когда вторая госпожа Кэрролл начинает догадываться о том, что ее ожидает, у зрителя, несомненно, пробегают мурашки по коже.

Свою последнюю работу — триптих «Строительницы» — я посвятил русским женщинам и девушкам, с такой самоотверженностью и творческим подвигом принимавшим участие в социалистическом строительстве. Слева — за победой колонии Центрального театра Красной Армии, в центре — на новостройку, справа — монтаж ворот в Москве.

Ю. ПИМЕНОВ.

БОРЦЫ ЗА МИР И ДЕМОКРАТИЮ

Мао Цзе-дун

Анна-Луиза СТРОНГ

Высоко в горных пещерах, над знобными долинами, зеленеющими благодаря бесконечному человеческому труду, живет один из самых передовых мыслителей нашего времени, вождь китайской компартии Мао Цзе-дун. Отрезанный от мира фронтами гражданской и антиимпериалистической войны, он и тогда не был оторван от своего народа. Мысль Мао Цзе-дуна проходит через кольцо блокады и вдохновляет китайскую революцию.

Талант Мао проявляется разносторонне и ярко. Именно он разработал стратегию, благодаря которой смогла возникнуть и развиться армия, окруженная технически более сильными противниками.

Лю Шао-цае, считающийся виднейшим знатоком марксистской теории в Китае, сказал мне:

— Мао Цзе-дун разработал теорию применения марксизма в условиях Китая, превращения марксизма в оружие четырехсотмиллионного народа.

Тезисы Мао Цзе-дуна о «затяжной войне» точно наметили пути сопротивления китайского народа японскому агрессору, а тезисы о «новой демократии», опубликованные в 1940 году, содержали в себе четкий анализ путей развития демократической революции в современных условиях. Эти тезисы определили формы государственного устройства в демократических районах Китая. Данный Мао Цзе-дун анализ путей китайского народа к достижению независимости, демократии и процветания изучают коммунисты Индии, Японии и всей Юго-Восточной Азии.

Впервые я встретила Мао Цзе-дуна в августе 1946 года.

Наш грузовик прогрохотал по каменистому руслу реки Янь, круто пошла вверх по опасному уклону и, наконец, проскочил в узкое ущелье. Каменистые ворота расщелины замыкали вход в долину, где в то время жили члены Центрального комитета. Изранные террасами склоны лесовых холмов веками давали приют китайцам, населяющим земли серого-зеленого.

Четыре пещеры с выходом на одну из террас и были жилищем вожды коммунистической партии Китая Мао Цзе-дуна.

Мао Цзе-дун — рослый человек с медленными, по-крестьянски ловкими движениями. Круглое лицо его, с высоким лбом под густой шайкой темных волос и с пытливыми черными глазами, как бы отражает сдержанность и спокойствие, а когда он улыбається, светится живым юмором.

Он был в костюме из темной шерсти, мажорской материи, какие носят три миллиона бойцов народной армии и государственные служащие. Его движения размеренны, лишены всякой спешки и дышат спокойным дружелюбием.

В то время как мы сидели на плоской глиняной террасе под яблоней, красная, темноволосая жена Мао говорила для нас ливудом за последние месяцы, вкратце состоит в следующем: «Возобновленный спектакль». Мелодрама об актрисе, которая в канун Нового года убивает своего мужа-алкоголика.

«Плющ». Картина, героиня которой, элегантно английская леди начала века, вынуждена совершить убийство, чтобы достать благополучия. Здесь великосветский злодей убивает одну за другой своих возлюбленных. Каждый раз, когда он меняет предмет своей страсти, возле тела умершей или девушки, на раскрытой постели, появляется таинственная моховая роза... Об актрисе, играющей одну из девиц, которой лишь в последнюю секунду удается избежать ожидающей ее участи, критик пишет: «Мисс Каммингс, роскошной маленькой блондинке, несомненно, предстоит большой успех в кино, независимо от того, окажется она когда-нибудь хорошей актрисой или нет».

«Паутина». Фильм, охарактеризованный критиком, как «тяжелая, хорошо сделанная мелодрама с двумя убийствами». «Медный дублон». Герой картины, знаменитый частный детектив, имеет здесь дело с шайкой игроков, шантасжон, злощестей старухой, обладающей необычайной властью над запуганной героиней, и в картине, конечно, фигурируют... три трупа.

«Жесткая сила» — фильм, один из героев которого — садист-маньяк, по мнению критика из журнала «Тайм», не выдерживает все же сравнения с фильмом «Убийца», где главную роль исполняет тот же артист Берт Ланкастер.

«Они не поверят мне». Герой фильма почти в равной мере обманет деньги и женщин. Когда оказывается, что одно мешает другому, таинственным образом умирает богатая и ревнивая жена героя и его прекрасная возлюбленная... «Принадлежит и госпожа Мур» — история о том, как оравотельная молодая вдова поселяется на берегу моря, в доме, где обитает дух умершего здесь некогда мореплавателя. Привлечение естественно, влюбляется в героиню, и под раскаты приключений она умирает, дав, наконец, повод герою-принципиально заключить ее в свои «тусторонние объятия».

«Два господина Кэрролл» — мелодрама, посвященная тому, как утонченный художник «изысканно» убивает одну за другой своих жен. Говоря о реакции публики, критик пишет, что когда вторая госпожа Кэрролл начинает догадываться о том, что ее ожидает, у зрителя, несомненно, пробегают мурашки по коже.

... мы будем сражаться еще двадцать лет — до полной победы.

Полная ярких образов и сопоставлений, речь Мао была удивительно точной и в то же время очень живой и поэтичной.

Например, упомянув об американском оружии, захваченном коммунистами, он назвал его «переплавленным кровью от американцев к Чан Кай-ши и от Чан Кай-ши к нам». А реакционных правителей обзвал «букашками тигра» (такие фигуры из папье-маше изготавливаются для китайских праздников).

— У них очень страшный вид, — сказал он, — но стоит пойти дождю, и они расплываются в кисель.

Мао сказал мне, что считает разговоры о войне между Америкой и СССР дымовой завесой, пущенной реакционерами, чтобы скрыть их истинные намерения — подчинить капиталистические страны контролю Америки.

НА СНИМКЕ (слева направо): член ЦК китайской компартии Чжоу Эньлай, Мао Цзе-дун и главнокомандующий Народно-освободительной армией Китая Чу Дэ.

Мао получил широкое и разностороннее образование. Он учился в Пекинском университете в те богатые событиями 1919 и 1920 годы, когда студенты, объединенные знаменитым движением «4 мая», активно боролись за национальные интересы Китая.

Мао — знаток классической китайской литературы, тонкий ценитель китайского оперного искусства. Чтобы проиллюстрировать какое-нибудь положение, он легко и много цитирует на память. Он недожидный поэт, но для поэзии у него остается очень немного времени.

Марксистом Мао стал в 1920 году, когда революция в России пробудила передовую китайскую мысль. В следующем году Мао участвовал на первом съезде китайской компартии; на тот съезд собралось лишь двенадцать делегатов. В годы, когда компартия и гоминдан действовали единым фронтом, Мао Цзе-дун занимал ответственные посты в обеих партиях. Но после контрреволюционного переворота, организованного Чан Кай-ши, гоминдан назначил награду в четверть миллиона долларов за голову Мао.

18 лет назад, когда запрещенную китайскую коммунистическую партию расклевывали дискуссия, когда пораженцы считали, что революция подавлена навсегда, а авантюристы настаивали на немедленном захвате больших городов, Мао пришел к выводу о возможности создать в Китае демократический район. Он считал, что такой район можно создать в горах, на стыке границ нескольких провинций. А затем этот район должен был служить базой для распространения освободительного движения на всю страну. Несколько таких районов, созданных двадцать лет назад, слились в огромные освобожденные районы наших дней.

— Долго ли смогут коммунисты сражаться? — Будь на то наша воля, мы бы не сражались ни одного дня. Но если нам придется бороться, мы будем бороться до тех пор, пока это будет необходимо. Мы сражемся уже двадцать лет, если понадобится три.

— Долго ли смогут коммунисты сражаться? — Будь на то наша воля, мы бы не сражались ни одного дня. Но если нам придется бороться, мы будем бороться до тех пор, пока это будет необходимо. Мы сражемся уже двадцать лет, если понадобится три.

Развилка Рязанского и Саратовского шоссе — у подмосковного поселка Томилино. Здесь, на большом пустыре в 32 километре, сооружается «Большой ВУГИ» — Всесоюзный научно-исследовательский институт угольной промышленности. По своим масштабам и задачам институт не будет иметь себе равных не только в СССР, но и во всем мире.

«Большой ВУГИ» поможет коренному перевооружению нашей угольной промышленности. Здесь будут созданы все условия для научных исследований и конструкторско-экспериментальной работы, научная с опытной шахты, ствол которой уйдет в глубину на 40 метров, а копер поднимется на 30 метров над землей, и кончая огромной библиотекой, превосходным оборудованным лабораториями, музеем, выставочным корпусом для демонстрации действующих образцов горных машин и т. д. Для новаторов угольной промышленности предполагается сооружение экспериментального завода.

Мао Цзе-дун ни разу не выезжал из Китая. Двадцать лет он провел в глубинных провинциях страны, большую часть этого времени не имея даже почтовой связи с остальным миром. И все же Мао обладает мировым кругозором. В конце августа 1946 года в беседе со мной он привел цитаты из выступления А. А. Жданова по вопросам литературы. В пещерах, занимаемых партийной газетой и радиостанцией, люди двадцать четыре часа в сутки записывают все, что происходит в мире.

Расширяя свои познания в самых разнообразных областях, Мао часто беседует с крестьянами на сельскохозяйственные темы; из этих бесед родилась «кампания за увеличение производства», которая спасла Яньшаньский горняцкий район от голода во время блокады. В разговоре со мной Мао живо интересовался всем, что я рассказывала ему об Америке: ее политической и экономической жизни, последним бытом. Если к нему приезжает иностранный корреспондент, Мао подробно расспрашивает его обо всех виденных странах.

Последний раз я беседовала с Мао в феврале 1947 года, накануне моего выезда из Яньши.

В то время угроза бомбежки и вторжения заставила уже эвакуировать женщин, детей и гражданские учреждения, а Мао Цзе-дун и секретари Центрального комитета перешли в малоизвестные пещеры, расположенные в десяти милях от города. Однако в этот вечер они прибыли в город, чтобы увидеть премьеру новой пьесы, посвященной земельной реформе.

После представления Мао пригласил меня в одну из полузаброшенных пещер. Ордонары принесли туда жаровню — для тепла; свечи — для освещения; и для прощального ужина — чай, тыквенные семечки, печенье и засахаренные земляные орехи.

Мао Цзе-дун предупредил меня, что с последним американским самолетом я должна буду вылететь.

Иначе, — сказал он, — может пройти год или больше, прежде чем нам удастся отправить вас отсюда.

Несмотря на тяжелое положение, Мао и его соратники были полны спокойной уверенности в своей окончательной победе: в беседе со мной они рассказали о генеральном контрнаступлении, которое решили начать осенью 1947 года.

Предшлющий самолет привез мне письмо от одного из моих нью-йоркских друзей. Оно было горько тревожно. «Нас ожидает тяжелое, долгое время. Наши прогрессивные деятели пока не удается оказать влияние на американскую внешнюю политику. Я надеюсь, что у китайских коммунистов нет никаких иллюзий о том, что будет делать американское правительство». Я показала письмо Мао. Он улыбнулся. Действительно, у него не было никаких иллюзий. Но он считал, что американские прогрессивные элементы слишком напуганы американскими реакционерами. «Американский империализм силен», — сказал Мао, — но он в то же время слаб, потому что понимает характер его силы и характер его слабости. Американскому реакционеру приходится нести тяжелую ношу, — продолжал он, улыбаясь, — ему приходится поддерживать реакционеров всего мира. Если же он не сможет поддержать их, то здание, покоящееся на одном таком столбе, рухнет».

Когда я упомянула об атомной бомбе, Мао ответил: — Рождение атомной бомбы было началом смерти американских империалистов, ибо они стали полагаться только на бомбу. В конце концов не бомба уничтожит народ, а народ уничтожит бомбу.

Было уже за полночь, когда наша беседа кончилась.

На следующее утро я вылетела в Бейпин, а Мао переехал в пещеру, расположенную еще глубже в горах.

В деревнях Северного Китая и Маньчжурии царит спокойная уверенность в том, что народ встанет, что их дело, дело свободной и демократической нации, будет расти и шириться.

«Большой ВУГИ»

Два года продолжалось проектирование «Большого ВУГИ». Многие исследователи и практики — от научного руководителя института академика Л. Д. Шевякова до рядового инженера — были привлечены к разработке деталей проекта, главным автором которого является архитектор А. Баршвер, а главным технологом — горный инженер В. Покровский.

В «Большом ВУГИ» соблюдены принципы социалистического водчества. Внутри трех жилых кварталов, наряду с многоэтажными домами, много индивидуальных коттеджей, зеленые площадки для отдыха и спорта, бассейны, летские ясли и детские сады. Школа, клуб-столовая, амбулатория, прачечные — все это предназначено для удовлетворения нужд научных работников. Для лучшей изоляции жилого города от института устраивается зеленая зона шириной в 50 метров.

Всесоюзный научно-исследовательский институт угольной промышленности строится в черте «Большой Москвы»

Факты без комментариев

В ДЖУНГЛЯХ АМЕРИКАНСКОЙ ЮСТИЦИИ

Американский писатель Дик Хинан подсчитал, что в США существует 10 миллионов законов и декретов, принятых как федеральным правительством, так и правительствами штатов и муниципалитетами городов. Многие из них были изданы более ста лет назад и безнадежно устарели, а некоторые попросту поражают своей смехотворной нелепостью или кажутся рекордом ханжества. Тем не менее все они остаются действующими законами. Приводим некоторые из них, дающие известное представление о том, что творится в джунглях американской юстиции.

В штате Миннесота воспрещается вывешивать на одной и той же веревке мужское и женское белье.

В штате Джорджия каждый купающийся в пруду или реке близ дороги, ведущей в церковь, совешает судбно наказуемый поступок.

В городе Салеме, штат Вест-Вирджиния, противозаконно продавать детям конфеты за полчаса до утренней или вечерней церковной службы.

В штате Аризона работающая жена обязана отдавать свою зарплату мужу.

В штате Алабама муж имеет законное право прочесть свою провинившуюся супругу «палкой диаметром не толще двух пальцев».

В штате Мичиган одежда жены принадлежит мужу. Если она уходит от него, он имеет право оставить ее в костюме Евы.

В городе Иаэсвилле (штат Индиана) запрещено торговать во воскресенья... мясными котлетами.

Рис. И. СЕМЕНОВА.

В штате Массачусетс принят закон, воспрещаящий мужчинам жениться на своих тещах.

Во избежание возможных недоразумений предусматривается сообщаем: перечень этих законов заимствован нами из «Американ Уикли», издаваемого Херстом, которого никак не заподозришь в антиамериканской деятельности!

ЦАРСТВО «СПИВОВ»

Слово «спив» означает на современном английском языке — «спекулянт». В Англии орудуют «спивы» автомобильные, продающие американские машины, «спивы», специализирующиеся на торговле дефицитными виски, «спивы», торгующие промтоварами купонами, «спивы» продовольственные и т. д.

Вот как описывает это «царство спивов» журнал «Ньюс-Уик»:

«В их числе имеются и представители самых феешенебельных клубов, занимающиеся крупными сделками по перепродаже акций, скаковых лошадей и предметов роскоши, и молодые люди, продающие взростные фрукты и овощи по непомерным

ценам. Туи «спивов» осаждают билетные кассы крупнейших стадионов, и затем втридорога перепродают скупленные билеты. Вечерами в центре Лондона можно наблюдать настоящих «бабет спивов», одетых в крикливые костюмы, размахивающих руками и подражающих в своем разговоре героям американских фильмов».

Число «спивов» не менее нескольких сот тысяч, а по некоторым данным, достигает даже миллиона. По мнению журнала «Ньюс-Уик» об этом свидетельствует, в частности, разрыв между статистическими данными о численности трудоспособного населения Англии и количеством лиц, действительно занимающихся полезным трудом.

Что это значит после этого постоянного жалобя правительства Этли на нехватку рабочей силы в Англии?

Мысли о советской демократии

Мария ШАГИНА

Помнишь ли мы еще, как жил простой человек на нашей земле до Октябрьской революции? Не факты, не права, не материальное положение, — об этом нельзя забыть, это навсегда хранят в памяти искусство, литература, история, но вот нечто менее видное, как дышание: как ощущал он себя на земле и как другие, не «преступные» люди, ощущали его? Это трудно сейчас передать нашей молодежи, это покажется непонятным. Попробуем сравнить с тем, что до сих пор еще существует у нас на глазах, — ну, хотя бы в капиталистической Англии. Там, как и везде на земле, простые люди — огромная большинство; это те люди, которые добывают хлеб своей насущной ежедневной работой; которые несут на себе основные тяготы жизни, черную ее работу, труднейшую ее ответственность, пахут землю, стоят у станков, делают вещи, поставляют солдат в армию, тянут ямьку бесконечной, одиозной маленькой «службы». Простые люди — это те, кто в неустанной и нескончаемой борьбе за кусок хлеба научились видеть и понимать основные и главные потребности человеческого бытия, кто привык понимать глубину этих, казалось бы, «элементарных» потребностей — в пище, в труде, в семье, в творчестве, в товариществе. Простые люди — это те, кто определяют пути истории, возвращают колеса ее, так мало думая при этом о самих себе. И простые люди это те, кого хищно эксплуатировать, подавлять, исключать из понятия «общества» садится на горбу их меньшинство, кучка бездельников. В Англии как будто рабочая партия у власти. Но посмотрите английские романы с пометкой тридцатых и сороковых годов нашего века. Я бы даже сказала — сильнее, чем 50—60 лет назад, акцентируется в этих современных романах огромная пропасть между человеком простой работы, человеком, работающим своими руками, и между джентльменом; между «простой кровью» и «хорошей кровью», «бродяг», происходящем. Один из самых известных последних романов в Англии рассказывает о безработном вдове, ради сына поступившем служить в гостиницу, сперва простым коридорным, потом, постепенно возвышаясь, — швейцаром, управляющим, одним из акционеров гостиницы. Будучи коридорным, он скрывал, что он «джентльмен», что у него еще осталась кофточка, сшитая у хорошего портного, остались привычки оксфордского студента. А когда он определился сына в джентльменский колледж, он скрыл свое положение человека, зарабатывающего на жизнь трудом своих рук. Все кончилось, разумеется, «благополучно»: сын вернулся в «общество», женившись на дочери джентльмена. Скрытая соль романа, где автор кочетничает с физическим трудом, — это неземность «хорошей крови», сказывающейся при всех обстоятельствах жизни. Могут сказать, что книга эта — средняя, «массовая» книга, что не она определяет большую, настоящую литературу. Но разве у Пристли, умного и передового романиста, в его «производственном» романе, говорящем о заводе, о рабочих людях, не прочитали мы недавно о другом инженере, трюке, но прочно отличающийся друг от друга, — одного из народа, другого из джентльменской касты? Первый — Эрик — жертва своего «невозможного» поведения; его снимают, и второй — Бранфорд, человек из общества, более — улановский и «хорошо воспитанный», поэтому оказывается у Пристли более жизнеспособным.

Хотя «Британский союзник» пытается уверить нас, что «джентльмен» — это категория моральная, а не классовая, но там, где «моральные качества» приобретаются в сословных колледжах и дороговизной университетских, недоступных простым людям, говорить о жизнеспособности джентльмена по меньшей мере нелепо.

Вот такое положение, при котором «простой человек», труженик и творец, создатель всех материальных ценностей на земле, оказывается вне общества, живущего на его труд, и не имеет голоса в жизни, создаваемой его руками, — вот что было навеки уничтожено на нашей земле Великой Октябрьской революцией. Советская власть переставила вещи с головы на ноги, она возвратила творцу жизни его нормальное место в обществе. Десятки миллионов простых людей — хозяева в нашей стране. Если вы хотите попасть у нас в общество, вы должны быть таким простым человеком, реальной, а не условной социальной ценностью. Быть или не быть такому человеку, так или иначе формулировать этот закон; быть или не быть такому строителю, на тот или иной год внести его в план; быть или не быть участником в войне, в дипломатических переговорах; сокращать рабочие часы, вносить поправки в план, устанавливать бюджет, выпустить новый заем, реорганизовать административный орган, — все это решают у нас простые люди, все это выдвигается и сверху, и снизу, как предложения простых людей. За последние тридцать лет мы были свидетелями больших народных дискуссий о законах, касающихся коренной жизни нашего общества. Народ свободно говорил и печатал все, что думал о новом законе, определявшем положение советской семьи, матери, ребенка и отца в семье, прежде чем этот закон был утвержден. Народ свободно обсуждал каждый параграф Сталинской Конституции, и все разумные поправки многих людей были введены в нее. Вот это мы называем подлинной демократией, не показной, не вывесочной, а настоящей, со всеми ее железной логикой постоянной проверки волей миллионов, со всем ее неустанным памятованием о массе, о трудовом хозяине страны. И быть может, самым замечательным за эти тридцать лет было то, что нас научила наша партия, научила наши гениальные вожди, Ленин и Сталин, бороться за новое общество ежедневно, не отвлекаясь, что декретировать — это уже значит все сделать, все осуществить, а наоборот, воспринимать декрет, как обязанность всех нас, члена общества, каждый день в соответствующем обстоятельстве действовать так, чтобы он стал реальностью. И говоря проще, «принимать его в жизнь». Советская демократия — это значит — быстрое людей в своем государстве — небыла одной вещью в истории.

Те из нас, кто перешагнул из старого мира в новый, будучи уже взрослыми, и зрелыми людьми, учились понимать нашу демократию в процессе ее исторического становления. Оглядываясь сейчас на прошлое, ярче всего вспоминаю три урока, три события, сделавшие по-своему внутренне, лирически понятным мне дух нашей демократии, стержень ее, корни, которыми уходит она в новый исторический мир советского человека, определяющий его поведение. Ничего особенного как будто нет в этих трех случаях, и у каждого из нас, наверное, есть в памяти десятки других, открывшие ему изнутри, сердцем, что такое советская демократия. Но для меня они были откровениями, и такими я сохранила их в памяти.

Первый урок дала мне в середине двадцатых годов молоденькая армянская девушка, звавшаяся, только что окончившая партийную школу. Мы с ней приехали верхом за 60 километров в районный центр Сиснан, большое армянское село, в ту пору еще довольно глухое, обе впервые, я — командировавшая «Известий» в кармане, она — чтобы познакомиться с районом и провести женское собрание. Мы ехали весь день, устали, проголодались, а ее уже ждали у сельсовета и точная повеленная, битком набитую женщинами. Я задержалась с лошадами, раздобыла горячий чурек, разломала его пополам и, откусив от своей доли, так и вошла, жуя, в залу, протиснувшись к столу и попробовав сунуть кусок в руку моей спутницы. Но она отдернула руку и бросила мне взгляд — недоумения, возмущения, конфуза за меня. И тогда опять перешла к докладу. Перед ней сидело несколько десятков крестьянок, молчаливо, но с любопытством, поглядывая на меня, и я была еще, по старому обычаю, повязанной от уха к уху платком, закрывавшим им рот и нижнюю часть лица. Быстрые, любопытные черные глаза обшаривали завязан, и было заметно, как они ее судят, всю — и по тому, как одета она, как говорит, как держит себя. После доклада, на ночьле, завянув сказала мне: «Как же это вы не понимаете, что ведь я к ним в первый раз пришла знакомиться, а ведь это же актив...» Что бы они полагали, если бы я сразу за чурек... Мыслимо разве так не уважать общество... И когда она произнесла слова «общество», я в темноте почувствовала, что краснею, как девушка, от себя до ушей, до того мне стало стыдно. Десять лет прожил при советской власти, и тогда все еще при слове «общество» представляла себе нечто литературно-научно-художественное, нечто высокоинтеллектуальное, в лиджаках и в заплатах светом залах, где адвокаты, писатели, профессора, студенты рассуждают о проблемах философии и искусства, — словом, я подсознательно жила со старым, дореволюционным классиком представлением «общества», которое никак не могло быть применено к молчаливым, закутанным крестьянкам на собрании женотдела. Для нее же, для рядовой работницы великого отряда преобразователей мира, большевиков, именно эти молчаливые женщины, с огромным опытом трудовой жизни, еще не осознавшие ни самим, со свежим и могучим интеллект, еще не вполне разбуженным, — хозяйки земли, матери советского работника, — они-то и были единственным подлинным обществом, великим общественным бытием, перед которым нужно было поддаться авторитету члена партии, не уронить его, заговорить к себе доверие, и к которой сама она подходила с огромным внутренним уважением, с новыми нормами поведения, с этикой нового строя. Признать, я тогда влекла в тихий дождь в долину от несвоего чувства собственного поэтического несовершенства.

Второй урок пришел позже. От Московского центрального телеграфа я была выбрана депутатом Моссовета, которая тогда дала больше обычного внимания и принимала знаменитое решение о реконструкции Москвы. Нас было несколько человек писателей. Мы получили по объективному печатному тому, — список замечаний и пожеланий избирателей к своим избранным. Мы несли эти тома на дом, чувствуя себя открытыми замечательными, дух захватывающими мечтами: участвовать в управлении хозяйством столицы, предлагать и осуществлять собственные проекты... А проект возникло в мозгу великое множество. Помню, как увлекательно рассказывал мне мой товарищ по созыву Ф. Гладков о своем проекте регулярки уличного движения в Москве, как делался покойный А. Малышкин, занисавшийся в транспортную секцию, мысли о новом методе обследования работы стрелочников, исходящим из знакомства с их бытом. Нельзя сказать, чтобы мечты наши были беспольными или неумными. Но вот настал день первого заседания нового созыва. Два-три оратора выступили с оригинальными проектами, вроде наших собственных. Нам самим не терпелось поговорить. Подняв голову, я разглядела очертания оратора. На трибуне стояла седали, сутуло державшаяся женщина с крупными чертами большого лица, с узелком просто зачесанных и заколотых на затылке белых волос, знакомая каждому советскому человеку на советской земле, подруга Владимира Ильича. Начала она тихо и не быстро. Она говорила о вещах, показавшихся нам в первую минуту страшно маленькими, не стоящими такой высокой трибуны, о снятии какой-то тумбы с какого-то проезда, о трамвайных вьсунах, о горячих завтраках для школьников... Вещи были очень много, постепенно они представали в определенной классификации, выделялись, заняли важной жизнью, захватили внимание. Оказалось, что Надежда Константиновна проанализировала тот самый «общественный» том с поручениями избирателей, который нам раздали по буквам и который — к стыду нашему — не все прочитали или даже не успели прочитать. А в нем-то и была советская реальность, в нем были нужды десятков тысяч московских, доверивших эти нужды нам, своим депутатам. Вот она, советская демократия, — полагалось тогда с внезапным чувством открытия: не в том дело, чтоб говорить с трибуны, что ползет в голову; не в том дело, чтоб «пронести блестящую речь», не в тебе вообще и не в твоих пружинах главное дело, — это на Западе, у капиталиста, депутат делает «личную карьеру», заставляет слушать себя, и слышат; а в том у нас дело, что мы должны выполнить указы наших избирателей, простых людей, жаждущих от нас, чтоб эти указы стали реальностью: дело — в видении и слышании с трибуны именно этих нужд, этой тысячи мнимых «мелочей», из которых складывается повседневная жизнь, а за ними все время помнить, все время видеть, все время слышать — не себя, депутата, а их, советских людей, миллионы массы драгоценных жизней, составляющих величайшую историческую реальность, новое общество на земле.

Третий урок пришел еще позднее, в конце тридцатых годов. Приехав на отдых в один из южных санаториев, я сдружилась со своей соседкой по комнате, работницей одной из подмосковных фабрик, и она рассказала мне свою жизнь. Вот коротко ее рассказ. Она была неграмотна, четыре года замужем, трое детей; муж пил горькую. Выпил — покаяничал. Сколько зарабатывает, сколько пропьет. Ей не было выхода в жизни, беспросветная нужда, дети на руках, и как-то, по совету приятеля мужа, данному, может быть, ради шутки: «А ты напиши товарищу Сталину, так, мол, и так, живет рабочая женщина в рабочем государстве», она взялась и написала товарищу Сталину, продиктовав письмо соседней дочке. Она обливается слезами, описала в письме всю свою жизнь. Наклеила марку, снесла на почту. Через два дня ее вызвали в райком, внимательно обо всем спрашивают и говорят ей: «Товарищ Сталин просит вас подумать хорошенько и сказать нам, чего именно вы хотите». И добавили к этим словам: «Смотрите же, идите домой, хорошо продумайте, не спешите ответить, скажите нам правильно, чего именно вы сами хотите». Она побежала домой, не чуя на радость ног под собой. Прибежав, рассказала мужу, соседям, соседней дочке. Муж сразу отрезвел, подал первый совет: «Иди, бегни, скажи, что ты хочешь 500 рублей». В первую минуту совет ей понравился. Пятьсот рублей в двадцатых годах были для нее огромные деньги. Сразу представилось, сколько всего можно сделать за них по хозяйству, себе, мужу. Всю ночь ей не спалось. Утром муж ушел на работу. Она же, перебирая в голове сказанные ей слова, стала повторять себе: хорошо подумай, правильно скажи, чего именно сама хочешь. Ей пришла сомнение в голову: самой-то ей какая будет польза от этих 500 рублей? Да и полно, хочет ли она этих денег, того ли она хочет? Думала, раскидывала, представляла себе будущее и — в отсутствие мужа — побежала в райком совсем с другой просьбой. Она попросила сделать так, чтоб ей можно было поступить на работу. Просьбу ее уважили, детей поместили в ясли, а ее устроили на фабрику. С тех пор прошло почти двадцать лет, и та, как рассказала мне это, — интеллигентная, красивая, умная женщина, с характером, со вкусом, с интересом к книге, член партии, стхановка, не стала и заканчивать рассказ, и без того ясного в своем комме. Но одно она мне прибавила, и это одно запомнилось мне на всю жизнь: — Вот с тех пор я такую привычку выработала: что бы ни соборусь сделать или сказать, непременно сперва спроси себя и спроси мужа, как на духу: действительно ли ты, Дарья Ивановна, хочешь это сделать или сказать, ты сама, не кто другой, а именно ты, сама. И когда я так себя спроси, больше всего оказывается, что сама я хочу вообще не этого, а по-другому. И тогда я говорю или делаю уже по настоящей собственной воле.

Что значат эти слова? О чем попросили ее, темную и неграмотную молодую женщину, в райкоме? Чему она научилась? Самознание, в подлинном, в глубоком смысле сознание себя, настоящего себя, которое всегда лучше, всегда умнее, всегда справедливее, здоровее, жизнелюбнее, добрее, мудрее, чем наше быстрое, ослепительно и безотчетно рефлектирующее, часто подражающее, огульное бытие «я». Самознание, ведущее к одиночеству к классу, принадлежности к великой семье трудящихся, расширяющая узкие рамки личной судьбы, своей семьи — на всю страну, на весь мир. Можно еще множество вещей сказать, можно привести тысячи примеров. Но я тогда поняла и пережила сразу и без рассуждений третий великий урок, научивший меня тому, что такое советская демократия и что дал советский строй простому человеку. Если маленькая завязан научила меня чувствовать новое общество, общество, где хозяева государства — простые люди, если Надежда Константиновна ярко напомнила, что подлинный демократизм — в осуществлении нужд простых людей, в неустанной заботе об этих нуждах и памятовании о том, что стоит за ними, то рассказ работницы открыл тайну новых глубин психологии, обращения нашего советского строя к простому человеку, к его глубинному «я» простого человека, о котором сам человек, в свете и сутолоке, забывает покаяно, но по которому только мы и должны жить. Мы, советские демократы, живем и поступаем так, как мы сами хотим. Но мы научились за эти тридцать лет понимать, что это значит — хотеть, понимать истинную свою волю, свое подлинное хотение.

Когда простые люди стали у нас хозяевами жизни, самознание их, самознание массы трудящихся, углубилось до той высокой требовательности к самому себе, к которой соединит понятие свободы — и необходимость личного хотения — и долга перед собой, перед высшим и лучшим началом в себе. Отсюда и выросли нормы нашего поведения, нормы нашего постоянного критического отношения к себе. Отсюда и выросло то, что мы называем «самомкритикой» и что стало законом диалектического развития нашего личного и общественного бытия.

В Каунасе (Литовская ССР) создана Центральная государственная библиотека, в которой насчитывается до 500 тысяч книг. Библиотека это время пополняется: она получает литературу, издающуюся в СССР и за рубежом. На снимке: у здания Центральной государственной библиотеки Литовской ССР.

Отчет писателя к 30-летию Октября

Творческая деятельность советского писателя-общественника в наши дни распространяется за пределы того, что заключают в себе его книги. Творческий отчет писателя — это отчет не только о написанных им произведениях, но и о публицистических выступлениях, фронтальных поездках, переписке с читателями, словом, обо всем, что непосредственно связано с его участием в практике социалистического строительства.

Московская секция детских писателей открыла серию писательских вечеров-отчетов к тридцатилетию Октября творческим отчетом Льва Кассиля, который состоялся накануне в Центральном доме литераторов.

Вся почти двадцатилетняя писательская деятельность Льва Кассиля очень характерна для писателя Октябрьской, советской формации. Л. Кассиль по праву занимает одно из первых мест среди прозаиков, пишущих для детей и юношества. Только на русском языке его книги вышли тиражом более пяти миллионов экземпляров, кроме того, они переведены во Франции, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Финляндии, Венгрии, Америке и других странах.

Начная от «Кондукта» и «Шамбрини», в которых автор показал детское восприятие революции, до последних его работ — «Свет Москвы» и «Далеко в море», прочитанных в отрывках на отчетном вечере, Кассиль находит дорогу к сердцу советского ребенка. Стремлением воспитать сознание школьника, пионера в духе коммунизма исполнены все его лучшие книги: «Черемухи — брат героя», «Дорогие мои мальчишки», «Маяковский — сам» и др.

Творчество Кассиля не свободно от ряда недостатков, но пишет он всегда искренно, свежо и на больные темы. Писательская деятельность его весьма разнообразна.

О многообразии творчества и разнообразности таланта Кассиля говорил Н. Асеев, Л. Никитин, А. Барто, В. Ардаматский, Е. Таратута, Л. Дубровина, А. Перфильева. На вечере с большим успехом выступили с отрывками из произведений Л. Кассиля пионеры и школьники самостоятельных студий Московского городского дома пионеров и Дворца культуры завода им. Сталина. Эти выступления еще раз подчеркнули органическую близость автора к его юным героям и читателям.

Сергей МИХАЛКОВ

ПОЭТ ДАРГИНСКОГО НАРОДА

Батырай Омар Оглы — любимейший поэт даргинского народа. Многие его стихи и сейчас поют на аварском, кумыкском, лезгинском и других языках народов Дагестана.

Недавно Дагестанская база Академии наук СССР издала книгу «Батырай», в которой собраны песни поэта. В точных поэтических переводах Эфенди Капица сохранились все особенности поэзии Омар Оглы «Батырай» — одна из первых книг серии «Классики литературы народов Дагестана».

ШАТКАЯ ПОЗИЦИЯ ГАЗЕТЫ „ТРУД“

В статье «Литературной газеты» (№ 46 от 15 октября) под названием «Нигилисты из газеты „Труд“» указывалось на серьезные политические ошибки, допущенные редакцией «Труда» в оценке талантливых и ценных произведений советской литературы: романа А. Гончара «Знаменосцы» и пьесы Н. Вирты «Хлеб наш насущный».

Газета «Труд» в своем редакционном ответе на нашу статью, напечатанном в № 244 от 16 октября, заявила о своем несогласии с нашей критикой.

Однако в специальном абзаце своего ответа «Труд», наконец-то, решился признать совершенно справедливой критику, которой «Правда» в номере от 6 сентября подвергла порочную статью Е. Усевича о романе А. Гончара.

Читателю, конечно, не может не показаться несколько странным, что понаблюдать не только добрых полтора месяца времени, но и вторичное напоминание «Литературной газеты» об антипатриотической сущности статьи Е. Усевича, для того, чтобы «Труд» признал правильную критику его ошибок. И все же, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Остается только пожелать редакции газеты «Труд» признать и другую свою серьезную политическую ошибку, относящуюся к оценке пьесы Н. Вирты «Хлеб наш насущный». Мы с грустью думаем о том, что редакция опять понаблюдает для этого полтора месяца. Пока же в своем ответе на нашу статью «Труд» с невероятным рвением защищает статью Б. Дайреджиева о пьесе Н. Вирты.

«Труд» обвиняет «Литературную газету» в том, что она, выступив с критикой статьи Б. Дайреджиева о пьесе Н. Вирты «Хлеб наш насущный», «весь свой пыл... истратила на неумелые попытки доказать, что Тихий и Твердова типичны для современной деревни. Все же остальные положения просто обойдены молчанием».

Верно, что в статье «Литературной газеты» было посвящено лишь образам Тихого и Твердовой и обходило молчанием «все остальные положения» в статье Б. Дайреджиева. По поводу этих «оставшихся положений», сведенных к бездоказательному охаживанию всех положительных персонажей пьесы Н. Вирты, было сказано совершенно определенно, что Б. Дайреджиев недобросовестно утаил от читателей подлинное содержание пьесы, а именно: руководимого Роговой колхоза «Дворики», которая занимает ровно половину пьесы.

Б. Дайреджиев обвинил драматурга в том, что образы Тихого — человека с кулацкой, собственнической душой и Твердовой — руководителя, оторвавшегося от народа, что эти образы расхитители колхозного добра и врагов колхозного строя.

Н. Вирта сделал «типичными», в то время как они, дескать, совсем не типичны. Тем самым рецензент «Труда» вступил в противоречие не только с пьесой Н. Вирты, но и с Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года. По существу статья Дайреджиева «Об опасности мнимой и действительной» содержит в себе попытку реинвестировать Постановление партии и правительства «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

Б. Дайреджиев доказывает, что «социальный адрес» — остатки разбитого кулачества, на который правильно и в полном соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года указывал в своей пьесе Н. Вирты, как на источник частично-собственнических, буржуазных тенденций, что этот «социальный адрес» неверен. Дайреджиев извращает суть Постановления от 19 сентября 1946 года, подменяя формулировку Постановления о том, что факты расхищения общественных земель колхозов снова приобрели массовый характер, либеральной фразой, что в Постановлении якобы шла речь об «злоупотреблениях и бюрократических извращениях в работе некоторых звеньев нашего аппарата». Действительная опасность, на которую указало Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), Дайреджиев объявил мнимой.

На эти «шалости», непартийные утверждения Дайреджиева, могущие только сослужить пользу Тихим и Твердовым, и указала «Литературная газета».

Редакция «Труда» не согласна со всем этим. В своем ответе она заявляет: «Мы не склонны повторять примеры, приведенные в статье Б. Дайреджиева, понадеявшись, доказывающие нежизненность центральных персонажей пьесы Н. Вирты. Следует лишь подчеркнуть, что гиперболизированный до политической проблемы кулак и переродившийся коммунист не характерны для нашей деревни».

Но разве в нашей статье говорилось о том, что подобные типы характерны для советской деревни? Говорилось ясно о том, что изображенные драматургом типы — руководители, оказавшие во власти частично-собственнических инстинктов, вроде Твердовой, и кулацкой души, вроде Тихого, к сожалению, существуют и мешают нашему развитию. Заслуга Н. Вирты в том, что он прямо указывает на такие типы и стремится помочь своей пьесой борьбе с ними. А редакция «Труда», вдохновленная Дайреджиевым, заявляет, что подобные типы представляют собой не реальную, а мнимую, выдуманную драматургом опасность.

К глубокому сожалению, мы должны еще раз подчеркнуть, что у редакции газеты «Труд» нет ясной партийной линии в вопросах литературы.

Тургеневский музей в Орле

В это время, когда люди, имеющие весьма отдаленное отношение к литературе, безразличны к культурным запросам граждан страны Советов, пытались сделать из Тургеневского музея в Орле нечто вроде памятника безвозвратно ушедшей в прошлое дворянской усадьбе. В залах музея можно было получить представление о стилях мебели дворянских гостиных, о пороках охотничьих собак, но не об идеальном содержании произведений Тургенева, об их значимости для народа, строящего молодую социалистическую культуру.

Все резко изменилось с тех пор, как директором музея стал коммунист Борис Александрович Ермак. Он заново перестроил экспозицию музея. Рядом с реликвиями тургеневской усадьбы появились произведения писателя, рисующие ужасы крепостного права, показывающие чудесные, благородные черты, заложенные в русском народе его духовную силу, одаренность, вечною стремление к счастливой и свободной жизни. Картины, макеты, диаграммы, высказывая классиков марксизма-ленинизма характеризовали политическую и экономическую обстановку эпохи, в которую жил и творил Тургенев. Появился раздел, отражающий огромное влияние Тургенева на писателей Запада, его общепризнанный авторитет в мировой литературе.

В годы Великой Отечественной войны музей был эвакуирован в Пензу и возвращен в Орел вскоре после того, как Советская Армия освободила город от оккупантов. Но размещать экспонаты было негде: гитлеровцы сильно повредили здание. Работники музея во главе с Б. Ермаком на

времена превратились в каменщиков, штукатуров, маляров.

Прошло всего два месяца после освобождения Орла, и на Тургеневскую улицу вновь потянулись сотни экскурсантов. Экспозиция музея стала еще продуманней, глубже и еще ближе связана теперь она с современной жизнью. Появился новый зал «Формизм — эстетический враз культуры». Лучшей иллюстрацией к названию зала служат приведенные на одном из стендов документы о разрушении гитлеровцами музея и его филиала — усадьбы в Спасском-Лутовском. Специальный раздел посвящен писателю, его личности, его творчеству, показывающим огромный интерес к творчеству Тургенева. На отдельной витрине собраны книги Тургенева, изданные в годы Великой Отечественной войны. Появились новые экспонаты, показывающие, как изменялись орловская деревня в тургеневские времена, какие разительные перемены произошли на родине Хора и Калиныча за годы советской власти.

Попережнему в лекционном зале читаются лекции о Тургеневе и его времени, о Пушкине и Толстом, о Горьком и Манковском, проводятся доклады и диспуты, посвященные лучшим произведениям советской литературы. Рабочие, учащиеся, интеллигенты — постоянные посетители лекций. Музей организует передвижные выставки для школ, заводов, районных центров.

Работа Орловского тургеневского музея — хороший пример действенной, связанной с сегодняшним днем, политической остроты пропаганды нашего великого литературного наследия.

Я. ВОЛКОВ

Живой Горький

У книги Б. Бялика «О Горьком» скромный подзаголовок: «Статьи», но по существу она носит монографический характер. В ней рассказывается о том, как складывалась мировоззрение Горького, какое решающее, плодотворное влияние оказали на великого писателя идеи Ленина — Сталина. Раскрыты именно эти темы, как центральной, и придает книге особую ценность и новизну. За живым и уверенным тоном автора чувствуется кропотливое исследование тщательный труд, тщательное изучение многочисленных печатных и архивных материалов.

Темам «Ленин и Горький», «Сталин и Горький» посвящены основные разделы книги.

Рассказ о Ленине и Горьком автор начинает с первой их встречи 27 ноября 1905 года, в канун московского декабрьского восстания, через два недели после появления знаменитой статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература». Б. Бялик сразу вводит читателя в самый центр событий того времени, ведет его на заседание большевистского ЦК.

От страницы к странице, от главы к главе автор воссоздает образ великого писателя в сложной обстановке тех лет, в его борьбе вместе с Лениным против врагов революции, в его неустанных поисках и достижениях, в его ненависти ко всякому рода декадантам — «Смертяшкиным». Б. Бялик не замалчивает ошибок Горького, иногда увидевших его с верного пути, но показывает, как Ленин помогал писателю освобождаться от временных заблуждений. Тема борьбы Ленина и Сталина за Горького естественно и свободно входит в книгу. Нельзя без волнения читать замечательное письмо Ленина к Горькому от 31 июля 1919 года.

Б. Бялик. «О Горьком». Статьи. «Советский писатель», 1947. 329 стр.

прославлении труда, как дела отца, доблести и героизма, получили утверждение лучшие образы Горького и воскресли самые мощные из его творений».

Тема идейной и творческой помощи товарища Сталина Горькому выделена в особый заключительный раздел книги, посвященный социалистическому реализму.

«В учении Ленина и Сталина Горький обрел ту правду, которую он в дни своей тяжелой юности так мучительно и страстно искал», — пишет автор в предисловии к книге.

Разумеется, Б. Бялик не исчерпал полностью всех граней темы, но и то, что он сделал, заслуживает, на наш взгляд, высокой оценки.

Актуальнейшее значение имеет глава «Коллективное творчество народа». В ней показан Горький — убежденный, страстный, проникновенный искатель драгоценного народного слова, отбрасывающий всякого рода подделки и фальшинки, ревниво оберегающий творчество народа от попыток исказить его или отдать «господам», «каристурам».

Внимание Горького к народному творчеству автор справедливо связывает с борьбой писателя против декаданса. В фольклоре и декадансе Горький «видел как бы две крайние точки искусства: его первоначальная цельность и — его распад; его первоначальную чувственную полноту, раскрывающуюся так естественно в тех же постоянных эпитетах, и — его чувственную опустошенность, проявляющуюся в самом понятии символа; непосредственное единство формы и содержания и — их насильственный разрыв».

Несколько разочаровывает глава «Горький и Маяковский». Если первая половина ее отличается глубиной и тщательностью анализа, свойственной всей книге, то конец статьи оставляет читателя неудовлетворенным. Взаимоотношения обоих писателей в постоктябрьский период намечены лишь в беглых чертах.

Зато дружба Горького и Станиславского, немевшая для лучшего театра страны и для всего искусства огромное и плодотворное значение, раскрыта с достаточной полнотой.

Читая книгу, соглашаешься с автором: «Изучение материалов показывает, что мы все еще недооцениваем роль Горького в многообразных творческих исканиях, определенных направлении, характере и значении советской литературы и советского театра».

Заключительный раздел книги («Горький и социалистический реализм») как бы подводит итог ее основной теме. Разрабатывая сталинское определение социалистического реализма, Горький высказал мысль о неприменимости противопоставления реализма романтизму. Эта важная, тогда еще не всем ясная мысль в наши дни воплощается в лучших произведениях советской художественной литературы. Ее острая актуальность и правильность подтверждаются работой наших писателей.

Приводя выдержки из письма Горького к А. С. Шербакову, автор книги замечает, что в этом письме «устарели только слова Горького о том, что у нас о социалистическом реализме «пишется много». Наши критики предпочитают теперь совсем не касаться этой темы или касаться ее в общей форме и вскользь».

К сожалению, эти слова справедливы. Принципы нашей эстетики еще мало разрабатываются литературоведами. А работы такого рода насущно необходимы, особенно нам, писателям. Книга Б. Бялика — одна из немногих, разрабатывающих эту тему.

Эта книга — не иконическая, в ней нет оного профессорского академизма, при котором читая подчас существует неведомо для чего, разве только так — для порядка. Это — живая, активная книга. Тем более активная, что слово Горького самым непосредственным образом участвует в сегодняшней нашей жизни и борьбе. Она поучительна и талантлива. Она оттачивает наше оружие. Она рисует своеобразный и правдивый портрет Горького, учителя советской литературы, нашего живого современника.

БЕЗЛИКИЕ ЛИЧНОСТИ

Все мы хорошо и прочно усвоили ту простую истину, что критика ценна своими обобщениями. И на первый взгляд наши статьи и рецензии удовлетворяют этому требованию. Но это только на первый взгляд. На самом деле обобщение в нас часто подменяется тавтологией к общему, частое проникновение в суть явлений. Иной раз может показаться, что критику именно такую цель себе и ставят — как можно больше свести все к общим положениям, к общим местам, как можно быстрее обозначить живую и конкретную художественную реальность установившимися готовыми понятиями.

Создается впечатление, что у такого критика нет занятия приятней, чем это нехитрое арифметическое действие — приведение жизни, какой она ему открылась в книге, к общему знаменателю установившихся положений и формул.

Влечение к поверхностным обобщениям, вернее сказать, к общим фразам и общим местам, создает разрыв между художественной литературой и критикой.

Стремясь подметить только общее в различных явлениях литературы, отвлечаясь от того, что в них неповторимо, что позволяет говорить о писателем индивидуально, творческом своеобразии, оригинальности произведений, критика часто обезличивает нашу литературу, нивелирует ее.

Попробуйте представить себе по таким рецензиям состояние нашей литературы, и вас поразит кажущаяся однородность произведений и образов, однородность авторских замыслов, тематическая узость. Впечатление будет таково, что писатели все лишь и заняты, что создают различные варианты одной и той же книги. А ведь критика литература как раз и отличает тематическое и творческое богатство и разнообразие.

Почему же создается такое искаженное представление? Потому, что у нас есть любители универсального типа положительных рецензий, годной для самых различных объектов. Заменяйте только фамилии автора и героев.

То, что не подходит под общую мерку и не может быть втиснуто в стандартные определения, критик в большинстве случаев обходит молчаливо. Но зато с каким восторгом он набрасывается на общие признаки, с какой цепкостью хватается за возможность проназойчивые слова, иными словами не выражающие существа данной книги!

В поле зрения критика Сергея Иванова («Известия», статья «Журнал «Знамя») попали такие не схожие между собой вещи, как повесть Э. Казакевича «Звезда», повесть Г. Березко «Ночь полководца» и повесть И. Козлова «В крымском подполье» и повесть Н. Стечкина «Саперы». Я допускаю, что в этом ряду, при серьезном и вдумчивом рассмотрении, можно обнаружить глубокие закономерности.

Я ни слова не могу возразить против утверждения критика, что в этих книгах «одна общая черта, осязаемая для нашей литературы — это произведение, проникнутое от начала до конца высоким советским патриотизмом, произведения идеальные, жизненные, правдивые».

Но разве эти же черты не характерны для «Спутников» В. Пановой, или «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, или «Дома у дороги» А. Твардовского, — словом, для множества других хороших книг?

Так, порой высшая математика критического анализа заменяется простым сложением величин. Сложить, конечно, можно все, что угодно. Есть даже такая детская песенка:

Раз, два, три, четыре, пять, / Шесть, семь, восемь, девять, десять. / Можно все пересчитать, / Сосчитать, измерить, взвесить.

В данном случае критик испытывает восторг именно такого рода. Перед ним открываются возможности неограниченные. Сосчитать можно все, лишь бы найти скобки пошире, попросторнее, на все случаи жизни.

О том, что эта критическая уравниловка у Сергея Иванова не случайность, а метод разбора, свидетельствует другая его статья «Новые имена, новые произведения», напечатанная в «Вечерней Москве». Здесь совместно рассматриваются все та же повесть Н. Стечкина «Саперы» и «Альпы» А. Гончара. Такое искусственное

сочетание двух совершенно различных произведений критик обосновал тем, что и у Стечкина и у Гончара «проводится» идея советского патриотизма. Эти два произведения, по признанию самого критика, «разные по форме, по стилю, по охвату событий», понадобилось объединить для того, чтобы сказать: оба они «служат общей задаче — идейному вооружению народа».

Так часто под пером критика герой превращается в странное превращение! Не успев оглянуться, как с него срыгают отличительные признаки характера и наклеивают этикетку с обозначением типа. Теперь, когда герой обезличен, но обозначен, когда он лишен психологии, лишен физиологии и жизненных связей, но зато определен и классифицирован, его можно считать подготовленным для дальнейших критических «упражнений». Его ставят в шеренгу, где уже стоят, безучастно и покорно, ему подобные.

Картина эта нарочито утрирована, но, увы, такова тенденция. Недавно в интересной статье Е. Холодова промелькнуло чрезвычайно правильное наблюдение, суть которого заключается в том, что многие писатели, — особенно это касается драматургов, — пытаются создать тип, минуя характер. Мне кажется, что статьи наших критиков способствуют таким бесплодным стремлениям. Все, что в героях индивидуально, особенно, неповторимо, перестает интересовать критика.

Мне кажется нужным напомнить здесь о замечательном свойстве критических статей Велинского, Чернышевского, Добролюбова. Под пером этих критиков герои продолжали жить, получая глубокие и всесторонние истолкования, в них раскрывались многие, незаметные ранее черты характера, обнаруживались невидимые прежде свойства и склонности, стремления и приверженности. Эта вторая встреча читателя с героем происходила в иной обстановке, в иной атмосфере и при иных обстоятельствах. Но часто она бывала не менее впечатляющей, чем первая. Образ героя воссоздавался здесь, хотя и иными средствами.

Наша литература последних лет выдвинула немало интересных героев, понятие героев нашего времени. И, однако, трудно припомнить, чтобы кто-нибудь из этих замечательных людей обрел свою вторую жизнь в критической работе. Например: Травкин («Звезда» Э. Казакевича), Керженцев («В окопах Сталинграда» В. Некрасова), Черныш и Брянский («Знамя» А. Гончара), Горбунов (повесть Г. Березко). Почему же так туго идут эти образы в критических статьях и рецензиях, почему утрируются они здесь своей жизненностью и выразительностью? Куда девались их яркость и своеобразие, их сложность и противоречивость? Почему они так обезличены? Да потому, что критика интересуется каждым из них лишь постольку, поскольку они «кратки» другим, рядом стоящим. Он не объект изучения, а объект классификации.

Правильно ли в подобных статьях указаны черты героя? Абсолютно! Но ведь это не больше, чем констатация того, что очевидно и для невооруженного глаза. Нужны для того, чтобы рассмотреть эти черты, проинспектировать и политическая острота мышления, понимание литературы и знание нашей жизни, творческий темперамент и эстетическое чувство, нужно ли для этого разбираться в законах общественного развития, в политике и психологии, в истории и философии, остро чувствовать нашу современность и предвидеть грядущее — словом, обладать всеми теми качествами, которые позволяют назвать критика литератором в самом широком смысле этого слова?

В одной из журнальных рецензий на «Повесть о настоящем человеке» Б. Птицкого («Знамя», № 3, 1947 год) критик В. Гольцев, говоря об образе полководца Воронова, подчеркнул, что именно этот герой наиболее удался автору. «Мы видим в комиссаре», — пишет он, — ясное сознание, присущее незаурядному деятелю коммунистической партии, неоскоружимую большевистскую волю, прекрасную способность «подобрать ключик» к душе каждого из окружающих людей». Разумеется, все это совершенно справедливо. В образе Воронова Полевой действительно сосредоточены все лучшие и наиболее характерные особенности настоящего партизана.

Вот здесь бы и развернуться критику! Перед ним такие благодатные возможности

поговорить о нашем замечательном современнике, о настоящем советском человеке. Однако раскрывает ли рецензия хоть в малой степени этот наиболее удавшийся писателю образ? Обогащает ли критик наше представление об этом характере, объясняет ли его? Да нет же! Критик видит свою задачу совсем в другом. Он обрывает критический разговор на том, с чего он должен начинаться.

Критик же Б. Дайрежнев в своей рецензии на повесть Г. Березко «Ночь полководца» («Вечерняя Москва») вообще не начинает никакого критического разговора, он просто валит в одну кучу всех, кто ему попадает под руку. — Богарева из повести Вас. Гроссмана «Народ бессмертен», Шульги и Валько из «Молодой гвардии» А. Фадеева, Руднева из книги П. Вершигоры «Люди с чистой совестью», Воронова из «Повести о настоящем человеке» В. Полевого, генерала Панфилова из книги А. Бека «Болотинское шоссе», Рыбинина из повести Г. Березко «Освобожденность», конечно, завидная, но ведь понятие типичного настолько здесь расширяется, что уже утрачивает всякий смысл. Человек исчез, не потому ли рассуждения критика приобретают бестактный возмущительный характер, когда он говорит о человеческой смерти?

«Поразительно, как легко умирают люди этого типа», — восклицает Б. Дайрежнев. — Мысль о смерти, о небытии словно не приходит им в голову. Они до такой степени, до последнего вздоха всеми своими помыслами связаны с жизнью, что смерть для них только недуг, с которым они уже не в состоянии бороться».

Комментарии излишни. Недавно мне попалась рецензия А. Климентова на роман Мих. Бубеннова «Белая береза» («Огонек», № 40, 1947 год). Рецензия эта — пример неуживительного обращения с образами, созданными писателем. Я не буду подробно останавливаться на том, как рецензент определяет тему романа. «Произведение это», — пишет А. Климентов, — подобно многим другим, написанно на общую великую тему — о минувшей Отечественной войне, о том, как Советская Россия спасая себя от фашистского варварства и порабощения, спасла затем весь мир». Но ведь под это определение подходят почти все наши книги последнего времени. Я позволю себе привести без комментариев еще несколько выдержек из этой рецензии: «Посредством изображения развития Андрея Лопухова автор решает одну из самых важных тем искусства (и не только искусства): каким путем, в силу каких причин и свойств советский человек не обездолит, не принижит, не разрушит себя в войне (?), а усилив свои лучшие человеческие качества». Далее критик замечает: «Автор особо не выделяет Андрея Лопухова: таких, как он, много, есть и лучше его люди».

«Гражданские лица, действующие в романе», — лучшие из них — по своей сути те же же воины». Мне кажется, что приведенные выше рассуждения попали в один из самых популярных наших журналов примерно из школьного сочинения, вот только не знаю, какого класса. Каков стиль, каков язык, не говоря уже об уровне понимания литературы и глубине «проникновения» в образы!

А между тем, вопрос об идеальности произведения требует конкретного и глубокого исследования созданных писателем человеческих образов, судеб героев, их поведения, их чувств и мыслей, их взглядов, их мироощущения. Идея в искусстве конкретна, и самые благие авторские намерения ничего не стоят, если они не получили своего реального, художественно-убедительного воплощения в конкретных образах.

Критик должен стремиться к всеобщему — такова природа его деятельности. Но это общее бедно плодотворно лишь при глубоком проникновении во все многообразие явления. Не для того, чтобы привести их к одному знаменателю и тем обезличить, а для того, чтобы их синтезировать и объяснить.

Мне хочется закончить статью словами из «Философских тетрадей» Ленина. Конспектируя «Науку логики» Гегеля, Ленин написал: «Прекрасная формула: «Не только абстрактно всеобщее», но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного (все богатство особого и отдельного)!! Великолепное!»

с солдатами на кораблях — товарищами в сражении при Лепанто. Постепенно он прошел через все пласты испанского общества. Он понял, что настоящий писатель может обрести свои идеалы только у народа. Когда он начал писать «Дон-Кихота», то сразу нашел образ, олицетворяющий здравый смысл и мудрость народа. Это был Санчо-Панса. Он вместе с Дон-Кихотом движется по страницам романа и придает образу благородного дядьку особую убедительность. Давно известны параллельные характеристики Дон-Кихота и Санчо-Панса: Дон-Кихот — это поэзия, а Санчо-Панса — проза. Дон-Кихот — это идеализм, а Санчо-Панса — реализм. Не в этом, однако, дело! Дело в том, что без Санчо-Пансы Дон-Кихот и без Дон-Кихота Санчо-Панса говорили бы только половину того, что Сервантес хотел сказать. Когда верный оруженосец беседует со своим рыцарем, перед читателем необычайно ясно раскрывается глубочайший клад народной мудрости, которая корректирует отвлеченную мудрость Дон-Кихота. Они говорят об одном и том же, но Дон-Кихот говорит языком возвышенным, а Санчо-Панса подкрепляет эти же мысли простой, живой речью, поговорками, загадками, пословицами, прибаутками.

Народная мудрость придает жизненную силу гуманистическому мировоззрению, раскрытому в романе.

Есть в этом романе еще одна особенность: сердечный юмор. Если мы сопоставим описание Сервантеса с описаниями другого большого художника, его старшего современника Рабле, мы легко поймем, в чем особенность юмора Сервантеса. Рабле — сатирик. Он клеветит пороки оглушительным смехом. У Сервантеса не так! Сервантес очень любит людей. И всегда немного их жалеет. Он может слегка подсмеиваться над своими персонажами и больше всего над Дон-Кихотом. Но, раскрывая смешное в Дон-Кихоте, писатель не только его просто, по-человечески, жалеет, но и возносит на большую моральную высоту.

Четыре века прошло с того времени, когда жил и творил Сервантес, но он остается востребованным его романом у читателей. Время дало возможность лучше почувствовать полноту и, что еще важнее, подтекст «Дон-Кихота». Нам хорошо известно, сколько искажений претерпела эта замечательная книга после смерти писателя. Какое количество тенденциозных пропусков, добавлений, незаметных переделок вынесла она! Литературоведам пришлось положить немало трудов, чтобы восстановить подлинный текст. То, что не могло быть сказано открыто в царствование Филиппа II, ставилось ясным и доступным при внимательном анализе восстановленного текста. И насколько выразительнее звучали слова Сервантеса, продавшие раньше в искаженных, обработанных нечестными издателями руками изданиях.

Выставка произведений В. Бялыницкого-Буруля

Завтра в залах Московского товарищества художников открывается выставка произведений старейшего советского пейзажиста В. Бялыницкого-Буруля.

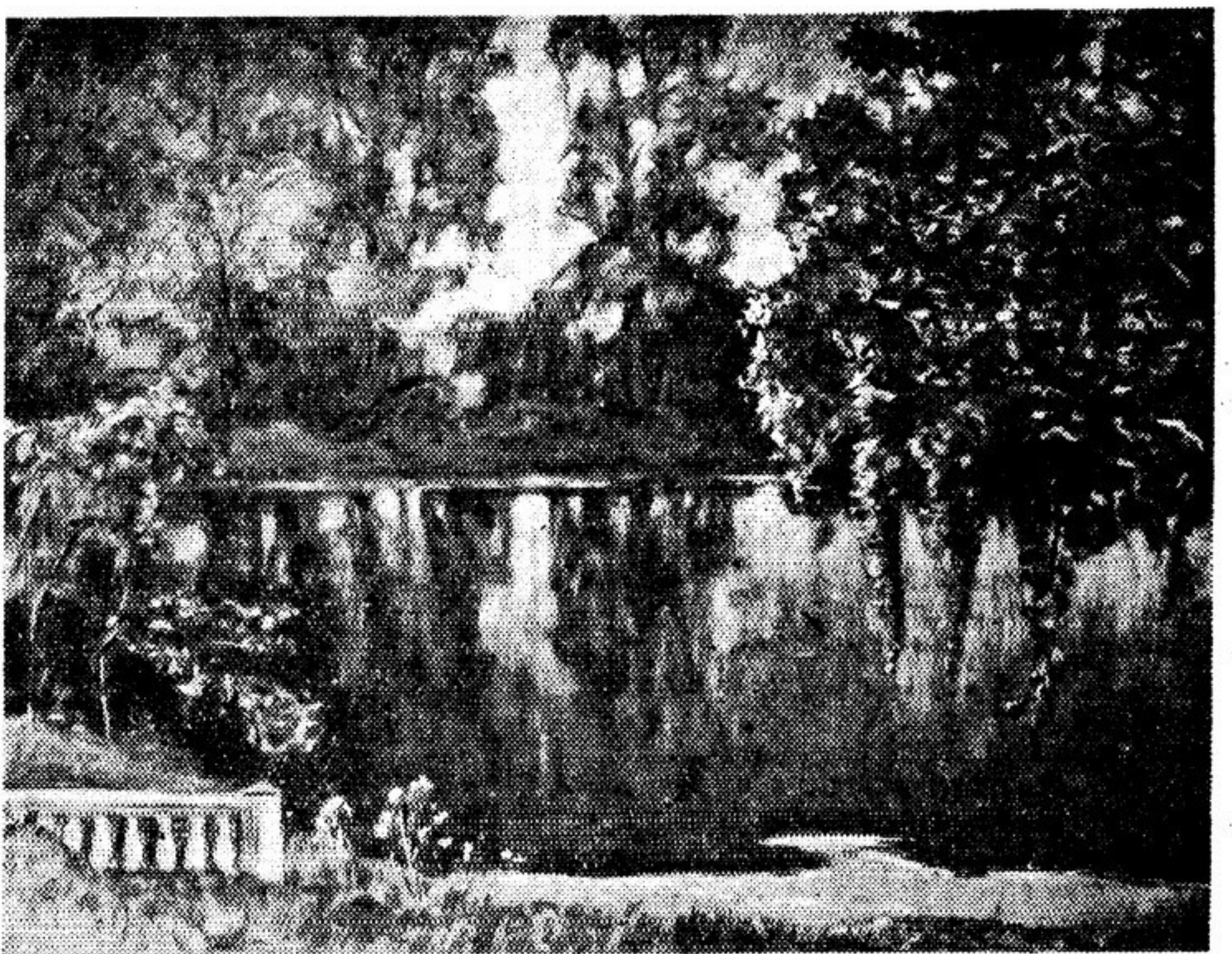
На выставке, организованной в связи с 75-летием со дня рождения художника, будет показано около 150 полотен, главным образом советского периода.

Впервые здесь экспонируются большие работы последних лет — «Родина Ленина» и «Родина Сталина». Цикл картин изображает ленинские места в Горках.

Ряд вещей посвящен индустриальной и колхозной темам.

Среди пейзажей — виды Ясной Поляны, Михайловского, Тригорского. Картина «Парк в Тригорском» вместе с четырьмя другими вещами будет демонстрироваться на Всесоюзной художественной выставке.

— Сейчас, — сообщил В. Бялыницкий-Буруля нашему сотруднику, — совместно с Ф. Модоровым работаю над большой картиной, где изображается встреча Ленина с товарищем Сталиным возле шалаша на берегу озера Разлив. Мы предполагаем закончить ее к началу будущего года. А весной я хочу совершить поездку в Белоруссию, чтобы показать возрождение ее колхозов и индустрии. На снимке: «Пруд в Горках»

Почему буржуазная наука восстает против работ советских ученых?

Беседа с академиком Т. Д. Лысенко

Наш корреспондент обратился к академику Т. Д. Лысенко в ряд вопросов, касающихся одной из недавних работ ученого — об отсутствии внутривидовой конкуренции в растительном и животном мире. Приводим беседу:

Вопрос: Известно, что на Украине кока-сагзы посеяны рекомендованными Вами грядочным способом и что этот способ блестяще оправдал себя. Ниже 30—40 центнеров с гектара нет урожая кока-сагзы, а во многих местах урожай доходит до 60—80 центнеров. Сами колхозники говорят о чудесном перевороте, совершенном в агротехнике кока-сагзы, которого они раньше, как правило, собирали 3—4 центнера с гектара и лишь в редких случаях — 10—20 центнеров.

Не объясните ли Вы, в чем теоретические основы нового способа сева кокачуноса и почему, как сообщалось в печати, буржуазные ученые, в особенности американцы, восстают против Ваших научных биологических работ?

Ответ: Если говорить о грядочном севе кока-сагзы, то мною была дана только идея. Заслуга же разработки и внедрения в производство грядочного способа посева принадлежит лауреату Сталинской премии И. Д. Колеснику и колхозникам Киевской области.

Теоретической основой грядочного посева является отсутствие внутривидовой конкуренции. Это положение впервые доказано в нашей стране. Буржуазная биологическая наука не только не знала этого, но она и не может принять его готового нашего вывода об отсутствии в природе внутривидовой борьбы.

На первый взгляд может показаться, что буржуазная наука, доказывая наличие внутривидовой конкуренции, исходит из правильных позиций дарвинизма, из естественного отбора. Ведь каждый вид, что в природе существует вечная борьба между организмами. При этом организм, потребности которых совпадают (например, плотоядные животные разных видов), между собой борются, конкурируют прямо собой в добыче пищи; те же организм, потребности которых не совпадают (например, плотоядные животные и растения), не вступают между собой в борьбу.

Все это легко наблюдать в природе. Но буржуазные ученые умалчивают о том, что здесь, в обоих случаях, — при наличии и при отсутствии борьбы — речь идет об особях не одного и того же вида, а разных видов животных или растений. Они упирают на то, что больше сходны потребности организма (договариваем же мы — разных видов, а не одного и того же), тем неизбежнее большая борьба. Отсюда они делают вывод, который не только

ко нельзя подтвердить наблюдениями в природе, но который прямо противоречит законам развития растений и животных, и говорят: так как потребности организмов, принадлежащих к одному и тому же виду, наиболее сходны, то, следовательно, между ними и существует наиболее жестокая борьба. При этом умалчивается, что никому еще не удалось и никогда не удастся ни самому видеть, ни другим показать в природе картину наиболее высокой конкуренции особей внутри вида. Например, кто может видеть или показать, что зайцы мешают друг другу больше, чем им мешают волки, или что волки вредят друг другу больше, чем им вредят зайцы тем, что, имея хорошие уши и длинные ноги, удирают от них и остаются волком голодными.

Можно поверить, что сорняки, являясь другими видами, чем, например, пшеница, мешают ей, забивают ее. Но никто ведь не поверит, что редкая, а, следовательно, засоренная пшеница лучше себя чувствует на поле, чем густая, чистая пшеница. Я снова утверждаю, что еще никто не привел и не приведет в науке ни одного доказательного примера наличия в природе конкуренции внутри вида.

Чем объяснить, что буржуазная биологическая наука так дорожит «теорией» о внутривидовой конкуренции? Ей нужно оправдать, почему в капиталистическом обществе громадное большинство людей, особенно во время перепроизводства материальных благ, ведет бедный образ жизни. Все человечество принадлежит к одному биологическому виду. Потому буржуазной науке и понадобилась выдуманная внутривидовая борьба. В природе внутри вида, говорят они, между особями идет жестокая борьба за пищу, которой нехватает, за условия жизни. Побеждают более сильные, более приспособленные особи. То же самое происходит, мол, и между людьми: капиталисты имеют миллионы, а рабочие бедствуют, потому что капиталисты якобы умнее, способнее по своей природе, по своей наследственности.

Мы, советские люди, хорошо знаем, что угнетение трудящихся, господство капиталистического класса и империалистические войны ничего общего не имеют ни с какими законами биологии. В основе всего этого лежат законы загнивающего, отживающего свой века буржуазного капиталистического общества.

Но внутривидовой конкуренции нет и в самой природе. Существует лишь конкуренция между видами — зайца ест волк, но заяц зайца не ест, он ест траву. Пшеница пшенице также не мешает жить. А вот пшеница, лебеда, осот являются представителями других видов и, появившись в посевах пшеницы или кока-сагзы, отнимают у них пищу, борются с ними.

Для того, чтобы слабые растения кока-сагзы не только могли выстоять в этой жестокой межвидовой борьбе, но дали бы урожай, мы и помогли кока-сагзы! Колхозники начали высевать кока-сагзы грядками: кладут по сто-двести семян кока-сагзы в одну лунку, а вокруг оставляют 1/4 кв. метра свободной площади. Сорняк наступает на грядку, но, встретив мощную стену сопротивления многих растений кока-сагзы, не может пробраться внутрь грядки. А кока-сагзы, избавившись от злейшего врага, кучками (сообществом) растут и растут за счет пищи и влаги всей предоставляемой ему свободной площади.

60—80 центнеров корней кока-сагзы за гектар — это еще не предел. Может и должно быть больше!

То, что Вы рассказали, тов. Лысенко, действительно ново, а главное — Ваши научные доводы не просто «точка зрения», они подтверждены богатейшей практикой. Хотелось бы, чтобы Вы дополнили сказанное объяснением, как ведет себя кока-сагзы внутри самого гнезда.

Как кока-сагзы чувствует себя внутри гнезда? Не только не плохо, но очень хорошо. Надо знать, что в природе жизнь каждого индивидуума всецело подчинена интересам своего вида. В природе у любого растения и животного одна цель, созданная естественным отбором, — дать себе подобный. У волка ноги, шерсть, уши — все служит

одному: размножить, увеличить число волков. Бабочка-поденка живет один день только для того, чтобы дать потомство. Размножаться за счет других видов и в ущерб другим видам — это и есть биологическая закономерность.

Теперь возвратимся к Вашему вопросу: как живет кока-сагза в гнезде? Посаженные в лунку семена — одного вида, у всех у них один закон — больше размножить своей вид, в данном случае кока-сагзы. Поскольку пищи и влаги на предоставленной свободной площадке достаточно, а колхозники имеют возможность выпалывать сорняки в широких междурядьях конными или тракторными пропашниками, — семена кока-сагзы растут отлично.

В тех же случаях, когда сеют не гнездами, а равномерно по всей площадке, слабые одиночки семян кока-сагзы забываются сорняками.

В данный момент я немало думаю о посадке леса гнездами. Особенно в наших беслесных, степных районах. Гнездовая посадка лесных деревьев, мне кажется, — перспективное дело. 100—200 одно-двухметровых площадок на гектар, по 100—50 саженцев на каждой такой площадке — и в отношении короткой срок будет лес, без единой обработки. А это самое главное, ибо культивировать молодые посадки леса, когда колхозники заняты культивированием подсолнечника, кукурузы и т. п., пока что бывает трудно. Потому и продавались до сих пор лесонасаждения с таким трудом. Лесные же деревья, вырастая кучкой, гнездом, сами близко не подступят траву — опаснейшего врага молодых деревьев. Уже через 3—5 лет такая посадка начнет нести службу, задерживая снег, защищая поля от сильных ветров. Нужно испробовать такие посадки в степи.

Последний вопрос: не так давно в редакции газеты «Социалистическое земледелие» состоялся доклад лауреата Сталинской премии Ивана Даниловича Колесника. Присутствовали научные работники из различных сельскохозяйственных институтов и учреждений, и между ними профессор А. А. Соколов. Последний, выступая в прениях, заявил, что гнездовая сева — вообще не новость: он-де еще десять лет назад «смысл» о применении этого метода в Америке. И Д. Колесник резонно спросил его, где был профессор Соколов эти десять лет, почему он молчал, если знал о гнездовом способе сева, который мог бы увеличить урожайность ряда культур в нашей стране. Профессор Соколов ничего не ответил Д. Колеснику. Но нас интересует в данном случае другое: верно ли, что гнездовой способ открыл еще десять лет назад в Америке?

Буржуазная биологическая наука, по своей сути, потому что она буржуазная, не могла и не может делать открытия, в основе которых лежит непризнание ее положения об отсутствии внутривидовой конкуренции. Поэтому и гнездовым своим американские ученые заниматься не могли. Им, слугам капитализма, необходима борьба не со стихией, не с природой, им нужна выдуманная борьба между белой-колой и черной-колой пшеницей, принадлежащими к одному виду. Выдуманной внутривидовой конкуренцией, «извечными законами природы» они слагают оправдание и классовую борьбу, и угнетение белыми американцами черных negro. Как же они признают отсутствие борьбы в пределах вида?

— Зачем же профессор Соколов счел нужным сделать свое заявление и тем самым попытаться как бы снизить значение Вашей научной работы: американцы, мол, опередили академика Лысенко?

Тов. Лысенко посещает паузы сказал: — Я на это сообщение не был и не знаю, что там говорили. Но я знаю, что внутривидовую конкуренцию еще и у нас признают некоторые биологи, например, профессор П. М. Жукковский. Очевидно, профессор Соколов стоит на той же позиции. Я отношу это к буржуазным пережиткам. Внутривидовой конкуренции в природе нет и нечего ее в науке выдумывать. Идет острая борьба идей, а новое всегда встречает сопротивление старого. Но у нас, в Советском Союзе, новое всегда побеждает.

К. М. ФЕДОРОВ

На 82 году жизни умер К. М. Федоров — личный секретарь великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского и ближайший его помощник в годы астраханской ссылки.

После смерти Н. Г. Чернышевского Константин Михайлович Федоров занялся разработкой его литературного наследия. К. М. Федоров написал более пятидесяти работ, среди которых большое место занимают исследования о Чернышевском и Добролюбоведении.

Последние годы своей жизни Константин Михайлович посвятил составлению летописи жизни и деятельности Чернышевского. Наряду с большой научной деятельно-

стью К. М. Федоров вел значительную работу в области народного просвещения. За большую и плодотворную деятельность в области научной и просветительской работы Константином Михайловичем был награжден правительством орденом Трудового Красного Знамени.

Ушел от нас большой человек, общественная деятельность которого может быть примером преданного служения своему народу и Родине.

А. Егоров, Л. Чекина, П. Лебедев-Польский, В. Егоров, С. Чернышев, С. Басист, Н. Крижан, А. Мавеский, П. Гадкина, Н. Коробков, Л. Морозов, О. Груздья и другие.

А. ДЖИВЕЛЕГО Сервантес

Испания наших дней стонет под пятой фашистской диктатуры. Все подавлено пачалами Франко. Тяжелые дни переживает испанская культура. Имя великого гуманиста Сервантеса вызывает у фашистов только ярость. Пятидесят лет тому назад, в 1932 году, вышла книга реакционного публициста Хименеса Кабальеро, в которой он объявил «Дон-Кихота» вредной книгой, а самого Сервантеса писателем, глубоко враждебным национальному духу Испании. Теперь реакционеры стали хитрее, по-видимому, поняв малую убедительность такого способа отрицания гения испанского народа. Они стремятся оклеветать Сервантеса, представить его не пророком добра и свободы, не провозвестником человеческой правды, а рабом средневековых идеалов. Нашлись такие умники, которые каждую новеллу Сервантеса толкуют, как богословскую аллегорию. Франкисты высказывают в «Дон-Кихоте» доказательства того, что Сервантес боролся не за прогрессивные идеалы своего времени, а отстаивал отжившие предрассудки.

Для советских людей Сервантес — один из величайших гуманистов и величайших пророков добра и правды, писатель родной, союзник в той идейной борьбе, которую ведет наш народ. Его юбилей — наш праздник.

Сервантес написал много книг. У него есть пасторальные романы, трагедии, комедии, интермедии, новеллы. Но его бессмертная слава связана с «Дон-Кихотом». В этот роман он вложил всю свою мудрость, необъятную любовь к людям, гениальное искусство видеть и изображать мир и человека. Эта книга дорога и понятна людям, разным по возрасту, по образованию. Кто-то сказал совершенно справедливо, что всякий человек, если только ему суджено быть грамотным, станет новым читателем романа Сервантеса. «Дон-Кихот» переведен на сотни языков, существует в неограниченном количестве всевозможных переделок: для детей, для юношества.

Жизнь великого художника была целью бед и неудач, из которых он не мог вырваться до самого конца. Жизнь была писателя на каждом шагу.

но, печаль была светла. Печаль жила в его сердце всегда, но она не сделала его pessimистом.